

VEPSÄN
MAN MUJUD

КРАСКИ ЗЕМЛИ ВЕПСКОЙ

Вологодская областная
универсальная научная
библиотека им. И.В.Бабужкина

ДЛЯ ОБЩЕСТВА
ВЕПСКОЙ
КУЛЬТУРЫ
(Карелия)

VEPSÄN MAN MUJUD

КРАСКИ ЗЕМЛИ ВЕПСКОЙ

Составители

Евгений Григорьевич Марков

Надежда Петровна Маркова

к 1444238

ИЗДАТЕЛЬСТВО
PERIODIKA
Petroskoi
2012

Вологодская областная
университетская
научная библиотека
им. И. Э. Буякина

82

УДК 821.51

ББК 84(2Рос=Вепс)

К78

Издано при финансовой поддержке
Государственного комитета
Республики Карелия по вопросам
национальной политики,
связям с общественными
и религиозными объединениями
в рамках долгосрочной целевой программы
«Сохранение единства народов
и этнических общностей
Карелии на 2012-2016 годы»
(«Карьяла – наш дом»)

ISBN 978-5-88170-221-2

© Е. Г. Марков, Н. П. Маркова,
составление, 2012

© Н. В. Трухин, художник, 2012

Kärčid da värčid

Ühtes posadas eliba mam, hänen poig i mil'l' – poigan ak. Mil vaiše mam ei sötand poigad i milläd, poigale kaik sôm oli paha.

Kerdan homendesel kaik pereh ištuihe stolan taga sômha. Mam toi stolale pirgoid i sanui: «Sögat pirgaižid!» «Ištum sômäs, ka pidab mujada» – sanui poig i oti pirgan. «Möst tegid pirgoid – kärčid da värčid» – muigištihe hän.

Mam ei otand pahaks hänen sanoid, vaiše vedauzi änel: «Pirgad-se sinun akaižen kät oma». Poig hüviš meliš heikahti: «Oh, miččed oma sagedad da magedad». Jäl'ges sidä hän sanad pahad ei veretand mama-le, i sôm sättui hänele.

Тяп-ляп

Водной деревне жили мать, сын и невестка – жена сына. Чем только мать ни кормила сына и невестку, сыну вечно ничего не нравилось.

Однажды утром, когда сели за стол, мать принесла пироги и говорит: «Вот поешьте-ка пирожков».

«Раз за столом сидим, так надобно попробовать», – сказал сын и взял один пирог. Попробовал и поморщился: «Опять ты напекла пироги тяп-ляп! Кривые какие-то и невкусные»

Но мать не обиделась, а усмехнулась: «Так пироги-то в этот раз твоя женушка пекла».

Сын тут же поправился: «Вот я и говорю, очень вкусно!» После этого он плохого слова матери больше не говорил, и вся еда ему нравилась.

Uk haugho ajelihe

Eliba uk da ak Pinž-külās. Tuli tal'v. Pani äjan lunt, uhoiči sured übused.

Ak sanub ukole: «Uk, pidab toda haugoid päčid lämbitades». Uk mäni tanhale, val'l'asti hebon regehe i läksi mecha. Ajab mecās i čududelese: «Mitte čoma mec tal'vel om! Lumesine, hil'l', hoštai. Mikš vaiše mugoine čomuz' i vilu kožuba ühthe?»

Tuli uk mecha, čapoi täuden regen koivuid. Ištuihe hän regehe, a ühten koivuižen pani üska. Ajab uk külädme, a hänele vastha astub neičukaine i küzub: «Mikš sinä, dedoi, koivuižen üskas pidäd?» Uk sanub-ki: «Minä sikš üskas pidän, miše oliži hebole kebnemb ajada. Minä hebod žalleičen».

Как дед за дровами ездил

Жили в Пинже старик со старухой. Та зима выдалась снежная, намело большие сугробы. Старуха однажды говорит старику: «Пришло время ехать за дровами».

Старик вышел во двор, запряг лошадь в сани и поехал в лес. Едет по лесу и любителю: «Какой красивый лес зимой! Заснеженный, тихий, блестит, переливается. И как только такая красота с холодом вместе уживаются?»

Нарубил старик в лесу полные сани берёзок. Уселся в сани, а одну берёзку взял в руки. Проезжает по деревне, а навстречу ему идёт девочка. Она и спрашивает: «Зачем ты, дедушка, берёзку в руках держишь?» А старик отвечает: «Да затем я её в руки взял, чтобы лошади легче было. Жалею я лошадку-то».

Ajelihe poig i tat heinäha

Läheli Šokšud Sürgä-küläs eli pereh. Perehes oli tat, mam i poig. Vanhembad radoiba äi kodiradoid i pidiba kodiživatoid: heboid, lehmid, lambhid i kanoid. Poig kävui školha.

Kut-se kerdan pühapäivän tat sanub-ki poigale: «Ajagam heinäha, väha om jänu heinäd». Tat val'l'asti liebon, i hö läksiba heinäha. Ajades poig küzub-ki tatal: «Tat, ken om mugoine kutilo?»

Tat verdunu sanub-ki: «Karste regespäi ika andan sinei kunutad». Poig eskai bul'koti silmäd, hän ei te dand, miše nece sana oli tatan närituz.

Поехали сын с отцом за сеном

Недалеко от Шокши в Сюръге жила семья – отец, мать и сын. Родители вели хозяйство, держали животных: лошадей, коров, овец и кур. Сын ходил в школу.

Как-то раз в воскресенье отец говорит сыну: «Поехали за сеном, у нас мало осталось». Запряг отец лошадь, и отправились за сеном. По дороге сын спрашивает отца: «Отец, а кто такой кутило?» Отец рассердился и говорит: «Ну-ка пошёл отсюда! Слезай с саней или кнута тебе дам!»

Сын глаза вытарацил, понять не может. Он же не знал, что этим словом его отца люди за спиной называли.

Dedoi voran tabazi

Dedoi püdi kalad Jani-ojas. Hot' konz tuleb, ka kalad ei ole, tühjäd merdad. Kerdan asttes kodvima maha merdoid dedoi vastsi mužikad, kudamb mäni babukoid da senid keradamaspäi.

Dedoi sanub-ki mužikale: «Ken-se minun merdad kodvib?»

Mužik dedoile vastha sanub: «Ala vaiše mindai käri». Sil aigal burakos torp-kala händal kut iškeb i kaik babukad da sened kirboniba maha. Muga dedoi kalan vargastajan tabazi-ki.

Дед поймал вора

Дед ловил рыбу в ручье Яни. Как ни придёт он верши проверять, они всё пустые, нет рыбы.

Идёт он однажды на речку, а навстречу ему мужик, видно, из леса, с корзиной грибов.

Дед мужику и говорит: «Кто-то всё время мои верши за меня проверяет». А мужик деду в ответ: «Ты хоть на меня не подумай!»

В это время в корзине у мужика форель как ударит хвостом! Да так сильно, что все грибы на землю посыпались.

Так дед и поймал вора, который его рыбу снимал.

Oli ak lidnas

Eliba uk da ak läheli Šokšud Görč-küläs. Ak sanub ukole: «Pidab minei ajada lidnha ostmaha kangast da lapsile tomažid».

Tuli hän lidnha. Mäni surehe laukha. Astub laukadme i nägeb zirklos, miše hänele vastha astub Ust'a-sizar'. Ak ihastusiš küzub hänel: «Sinä kut, Ust'a, tedištid, miše minä olen tägä?»

Tuli lähtemba zirklonnoks, tahtoi vaiše kaburta sizar, da kut kolahtab ocan zirkloho. Ei voind el'geta nikut, kuna sizar kadoi. Kacui polhe, kacui toižhe, zirklon taga ... Nikus – nikedä. Muga hän tedišti, miše nece oli zirkol i mitte se oli.

Женщина побывала в городе

Жили-были мужик да баба в Гөрче недалеко от Шокши. Как-то раз жена говорит мужу: «Надо бы мне съездить в город, полотно купить да детям гостинцев».

Приехала в город, пришла в большой магазин. Идёт по магазину и видит в зеркале, что навстречу ей идёт её сестра Устинья. Женщина обрадовалась и спрашивает: «Устя, как ты узнала, что я здесь?»

Ближе к зеркалу подошла, хотела обнять сестру, да как стукнется лбом о зеркало. И понять не может, куда это сестра пропала. Посмотрела по стононам, за зеркало заглянула... Нигде никого.

Так она и узнала, что такое зеркало.

Mužik i bajar'

Eli Vasilišt-posadas bajar'. Eli hüvin. Hänel oli ičeze sad. Kodiabunikad pidiba živatoid, linmad. Tal'vel kodiabunikad val'l'asteliba hebod čomaha korjaižehe i bajar' ajelihe külädme.

Laptas bajarin küläd oli toine külä. Sigä eli mužik. Hänel ei olend nimidä. Leibäd-ki ei olend erašti, rahoid-ki ei olend. Mužikale tuli mel'he manitada bajarid. Hänel oli katl'aine...

Kerdan bajar' möst tuli küläha. Mužik kehuštoiti vet katl'aižes, i konz bajar' tuli hänennoks laptaha, hän nägišti, miše katl'aižes vezi kehub. No katl'aine ei ole palabil hilil, a om lumes.

Bajar' sanub-ki mužikale: «Mitte sinai harv katl'aine om – lumes vezi kehub! Minä en žalleiče rahoid, vaiše mö minei nece katl'aine».

Mižik möi katl'aižen bajarile. Kodiš bajar' sanui kodiabunikale: «Minä ostin katl'aižen. Pidab vaiše vala-

da vet, i vezi kehub hotkašti, eskai lumes-ki».

Kodiabunik valoi vet katl'aižehe i pani katl'aižen lumehe. Konz tuli kacmaha, ka vezi katl'aižes oli jädunu. Bajar' käreганзи i sanui kodiabunikale: «Mäne Pinža-küläha, löuda sigä mužik i küzu, mikš mindai maniti».

Töndui kodiabunik mužikad ecmaha. Löuzi mužikan i küzui hänel: «Mikš manitid bajarid?»

«Minä en manitand. Minä unohtin sanuda hänele noidsanad: «Katl'aine kehuštoita vet i keitä pudrod. Se kundleb sindai i tegeb muga kut käske».

Kodiabunik tuli kodihe i sanui kaiken bajarile. Valoi bajar' vet katl'aižehe i sanui: «Katl'aine kehuštoita vet i keitä pudrod». Pani lumehe katl'aižen i läksi kodihe. Tuli kacmaha, ka vezi katl'aižes oli jädunu i ei olend katl'aižes ni mittuš pudron pojavad. Verdui bajar' i ajoin iče mužikannoks küläha. A mužik kogozi kotomkad i pageni küläspäi tagemba. Muga hän maniti bajarid, bohattui kerdalaz i johtuti bajarid hüväl sanal.

Мужик и барин

Жил в Васильевской деревне барин. Хорошо жил. Был у него свой сад. Были работники, которые животных содержали и на полях работали.

Зимой они запрягали его лошадь в красивые сани, и катался барин по деревне.

Недалеко от его деревни была другая деревня. Жил там один мужик, у которого не было ничего. Случалось, что ни хлеба, ни денег не было. Так и жил, пока не придумал, как можно обмануть барина. Взял он для этого обычный котелок.

Однажды, когда барин снова поехал кататься по деревне, мужик вскипятил воды в этом котелке, и, когда барин поехал в его сторону, поставил котелок с кипящей водой на снег. Барин едет и видит: вода в котле кипит, а котелок-то при этом не на горящих углях стоит, а на снегу!

Барин и говорит мужику: «Какой у тебя необычный котелок! В снегу воду кипятит. Продай мне его! Не пожалею денег». Мужик и продал барину котелок.

Дома барин говорит своему работнику: «Я купил необычный котелок. Налей в него воды, и она закипит даже на снегу». Работник налил воды в котелок, поставил его на снег. Потом пришёл проверить, смотрит, а вода-то вся в лёд превратилась. Барин разозлился и говорит ему: «Пойди в Пинжу, найди там этого мужика да спроси у него, как он посмел меня обмануть».

Отправился работник на поиски мужика, нашёл и спрашивает: «Ты почему нашего барина обманул?»

«Я не обманул, – отвечает тот. – Я забыл сказать волшебные слова: «Котелок-котелок, вскипяти-ка нам воды и каши сварить». Котелок всё так и сделает, как попросишь».

Работник вернулся обратно и всё рассказал барину. Налил барин воды в котелок и сказал: «Котелок-котелок, вскипяти-ка нам воды и каши сварить». Потом поставил его на снег и пошёл в дом ждать. Приходит потом посмотреть, а в котелке никакой каши нет, вода в лёд превратилась.

Ну и рассердился же тогда барин! Сам поехал к мужику в деревню. А мужик в то время уже собрал свои котомки да сбежал из деревни куда подальше. Вот так он обманул барина и легко разбогател. Долго потом ещё вспоминал барина добрым словом.

Oli Vas'a Piteriš

Ende posadas pidetihe živatoid: heboid, lehmid, lambhid, kanoid. Ratihe äi maradod–ki: künttihe, ägestadihe, kazvatadihe i semetihe. Sügüzel, konz kaik radod oli loptud, nored prihad läksiba lidnaha samha rahoid.

Hö paniba st'oklad ramoihe, kus ned oli muretud.

Oli mugomid päivid, konz ei olend-ki radod. Siloi radnikad ostiba midä-ni magedad lapsile i lapsed penil kivuzil murenziba st'oklid ramoiš. Radnikad astuiba lapsiden jäl'ghe i heid kuctihe panmaha st'oklid.

Čoga-külän Vas'a ajoin tal'veks radole Piterihe. Vas'a eli Piteriš veslas. Konz lopihe tal'v, pördihe hän kodihe i tat küzui hänel: «Äjan-ik rahoid oled sanu tal'ven pittehe, poigaine». Vas'a sai ühten rubl'an i andoi sen tatale. Tat verdui i oti koukun. Vas'a pageni päčün taga, voikaškanzi i sanui: «Ühten rubl'an andoin sinei, ka sinä mindai peksad. Andaižin sadanikan – ka sinä mindai rikoižid».

Tat nagraškanzi i pästi Vas'an päčün tagapäi.

Как Вася в Питер съездил

Раньше в деревне у людей было много животных: лошади, коровы, овцы, куры. И разных полевых работ было много: пахали, боронили, сеяли, выращивали.

Осенью, когда все работы в деревне заканчивались, молодые парни отправлялись в город на заработки. В городе они меняли разбитые стёкла в рамах. Но бывали такие дни, когда работы совсем не было. Тогда они шли на хитрость – поку-

пали детям сладости, и дети камешками разбивали стёкла в рамах. А работники уже были тут как тут, их и просили вставить новое стекло.

Вася из деревушки Чога поехал на зиму работать в Питер. Вася жил в Питере весело. Когда зима закончилась, вернулся он домой, отец и спрашивает у него: «Много ли денег заработал за зиму, сынок?»

Вася достал один рубль и отдал отцу. Отец рассердился и схватил кочергу. Вася залез за печь, разревелся: «Один рубль тебе дал, так ты меня бьешь, а дал бы сто – то и убил бы».

Отец рассмеялся и выпустил Васю из-за печи.

Pimed om i ei nägu

Kesk'küläs eli üks' pereh: mam, tat i heiden poig akanke. Mam oli saged, ei nägend nimidä. Mil'l' ei navedind anoped, kaiken tahtoi vaiše sötta händast pahembal sömäl.

Kerdan homendesel pereh ištuihe sömhä. Tatad ei olend kodiš. Mil'l' andoi kaikile pudrod voinke, a anopele void ei panend. Anopel oli hüvä sömänriža, i hän sanui poigale: «Mujub, miše pudros-se void ei ole».

Mil'l' kulišti i sanub: «Sö-sö, pimed om i ei nägu». Mamoile tegihe abid, i hän läksi kündled silmiš stolan tagapäi.

Konz tat tuli kodihe, mamoi starinoiči hänele kai-ken. Tatoi verdui i kãredas sanui norile: «Meiden pertiš sãmãd ei peitkoi, da i sãmãl ei abidoitkoi vanhembid».

Hän küksi kodišpäi poigan i mil'l'an. Sur' i oza-toi tegihe mail'm, a katuseta pãn pãl elãda oli huba. El'genzi mil'l' ičeze huban tegon i tuli anopennoks ičeze sanoid tagaze pakičemha: «Prosti, mam, mindai. Enamb ei linne ningoš». Enambad mil'l' ei abidind anoped. Mušti sanad igãks.

Темно и ничего не видно

ВСредь-волости жила одна семья: мать, отец и их сын с женой. Мать была слепая, ничего не видела. Невестка не любила свекровь и всё время давала ей еду похуже.

Однажды утром семья села за стол завтракать. Отца дома не было. Невестка всем дала кашу с маслом, а свекрови – без масла. А у свекрови вкус-то был хороший, она попробовала и говорит сыну: «Что-то на вкус как будто масла в каше нет».

Невестка услышала и говорит: «Ешь-ешь, в темноте все равно не видно». Матери стало очень обидно, и со слезами на глазах она вышла из-за стола.

Когда отец пришёл домой, мать всё ему рассказала. Отец разозлился и сердито сказал молодым: «В нашем доме еду ни от кого не прячут, и старших едой не обделяют».

И выгнал из дому сына и невестку. Оказались они на улице, а без крыши над головой жить плохо. Поняла невестка свою вину и пришла к свекрови прощения просить: «Прости меня, мама. Больше такое никогда не повторится».

И правда, больше невестка никогда свою свекровь не обижала, навек свои слова запомнила.

Ajoim kandole

Ende Šokšuspäi ajelihe Pudožan-agjaha Änižjärvedme tehmaha tavar-vajehtelusid. Ajada pidi edahaks – kuz'kümne – seičemekümne virstad. Kezal i sügüzel, konz Änine oli avoin, ajelihe venehil, airoil.

Tal'vel oli toižin. Kaik varastiba, konz kül'mäb. Ajelihe artelil, kogozihe nel'lin - vižin, paksus ajelibä

norembad prihad.

Arteliš oli kaiken üks' ravaz mužik. Val'lastadihe heboid regehe, ottihe tavarad i lähttihe loštajad jädme. Kaikuččas reges ištui üks' mez'. Ezmäizel hebol ajoi vanhemb ristit, hän tezi, kuna pidab ajada.

Irdal oli sur' pakaine i prihoid zavodi haikostelda ajades. Nelländes regespäi lanksi ragend, i jäl'gmäine hebo ajoi ragendon päle. Unimeliš priha ei el'gendand mi tegihe. Hän heikni edel ajajale: «Mö ajoim kando-le».

«Kuspäi sinei keskel Äništ kand pučihe? Ed el'genda, miše nece ragend om». Ravaz mužik andoi norembile hüvän nevon: «Pitkäs matkas pidab pajoid pajatada, a ei unihöunhid taboitelda».

На пень наехали

Раньше из Шокши по Онежскому озеру ездили в Пудож обмениваться товарами. Ехать нужно было далеко – шестьдесят-семьдесят вёрст.

Летом и осенью, когда водный путь по озеру открыт, ездили на лодках с вёслами.

Зимой ждали, когда озеро замёрзнет. И потом по льду ехали артелью по четыре-пять человек. Ездили чаще всего молодые парни.

С ними в артели всегда ехал один пожилой мужчина. Запрягли лошадей в сани, загрузились товаром и отправились в путь по блестящему льду. В каждых санях по одному человеку. В первых санях сидел самый старший, он показывал остальным, куда ехать надо.

В тот раз на улице был сильный мороз, и от холода парни стали зевать. Из четвёртых саней упала кадка, и последняя лошадь наскочила на эту кадку. Сонный парень в последних санях и не понял, что случилось. Крикнул едущим впереди него: «Мы на пень наехали!»

«Откуда посреди Онего пень может быть? Даже не понял, что на кадку наехал».

А старик дал парню совет: «В дальней дороге нужно песни петь, а не сны смотреть».

Kävui mecnik mecha

Eli Görča-külās pereh: ak da uk. Pidiba živatoid: lehmän, hebon, lambhid, kanoid. Kazvatiba kartohkoid, nagrišt. Semenziba pöuvast, rugišť, herneht, kagrad, ozrad.

Uk radoi mecnikan. Kut-se läksi hän mecha. Koirad ei otand, sil lapaine oli kibed.

Käveli, käveli mužik mecadme, nägišti vaiše jänišan da oravan. Läksi hän kodihe i nägišti kagrpöudol kondijan. Ambui oružjaspäi kondijaha, da ei surmitanu, vaiše rani. Mecnik – joksta küläha, kondi – mödha.

Jokseb mužik surm hambhiš, ei teda, kut kondijaspäi pázuda. Nägeb, rihenno seižub hazj. Libui hän hazjale ülähaks. Kondi-ki hänele mödha: «Kacu, tabadan sindai jaugas, pehmitan da vahvas lapoštan sinun bokad. Ozutan sinei kondijan väged».

Varu päs sirdihe mecnik hazjadme, sirdihe oiktale. Kondi laskiye maha i möst libui ülähäks. Mecnik sirdihe hurale. Kondi taboiteli mecnikad, no muga ei tabadand-ki. Kondi veri i zavodi pudištada hazjad, no veretada ei voind i joksi mecha.

Mecnik laskiye maha i pagod kodihe. Kodiš starinoiči kaiken akale i vól ližazi: «Enambad en lähte koirata mecha. Mitte mectuz koirata. Jäin eläbaks sikš, miše kondi ei voi mända hurale vai oiktale. Hänele pidab lasktas maha, a jäl'ges möst libuda ülähäks».

Пошёл охотник в лес

Жила в Гёрче семья: муж да жена. Держали они животных: корову, лошадь, овец, кур.

Выращивали картофель да репу. Сеяли лён, рожь, горох, овёс да ячмень.

Муж был охотником. Как-то пошёл в лес, собаку не взял с собой, у неё тогда лапа была больная.

Ходил-ходил охотник по лесу, но видел только зайца да белку. Так ни с чем и отправился домой.

Вдруг увидел он на поле среди овса медведя. Выстрелил в медведя из ружья, но не убил, а только ранил. Охотник — бежать, медведь — за ним.

Бежит мужик от смерти, не знает как спастись. Видит, у риги стоит вешало для снопов. Залез он на него, на самую верхнюю перекладину. И медведь за ним лезет: «Вот сейчас схвачу тебя за ногу! Да как намну твои бока, узнаешь медвежьё силу!»

Страшно охотнику. Стал он вправо от медведя по перекладине двигаться. Медведь спустился на землю, дошёл до охотника и снова лезет наверх. Охотник теперь влево стал двигаться. Медведь хотел схватить его, но так и не поймал. Снова спустился на землю, и стал тогда трясти вешало. Свалить его не смог и ни с чем убежал в лес.

Охотник спустился на землю и бегом домой. Дома рассказал всё жене и добавил: «Никогда больше без собаки в лес не пойду. Какая охота без собаки! В живых я остался только потому, что медведь не умеет шаг вправо или влево делать. Ему нужно вниз спускаться, а затем снова наверх подниматься».

Oli mužik garblod keradamas

Sürgän sol mužik kerazi garblod. Hämärzui. Nägeb mužik, ka kondi laptas om. Mužik tahtoi pageta, no muga pöl'gästui, miše jaugad maha tartuiba i ei voigoi pageta nikuna. Mužik lanksi samloho, heittihe kolijaks.

Kondi tuli mužikannoks i kundleb: «Hengib-ik mužik?» Hätken kondi ištui mužikanno – kaiken kundli: «Hengib-ik mužik?»

Ištui, ištui i päti, miše mužik om kolnu. Kondi peiti mužikad samlol i läksi mecha. Habi eläb mužik page-ni kodihe. Jäi nece garblon keraduz igäks muštho.

Собирал как-то мужик клюкву

Собирал как-то мужик клюкву на Сюрьгинском болоте. Уже был вечер, начало смеркаться. Видит мужик, недалеко от него медведь. Хотел было бежать, но от страха ноги словно приросли к земле, с места сдвинуться не может. Тогда мужик упал на мох и притворился мёртвым.

Медведь подошёл к нему, принюхивается, прислушивается, дышит ли мужик. Долго он так сидел рядом прислушивался, а потом решил, что мужик

всё-таки мёртвый. Прикрыл он тогда мужика мхом и ушёл в лес.

А мужик, еле живой от пережитого, побежал домой со всех ног. Навсегда запомнил, как тогда клюкву собирал.

Kut mužik põl'gästoifi kondjad

Kevädel mužik semenzi pöudol kagrad. Kagr kaz-voi korged, saged. Kut-se tuli mužik pöudole i nägeb: kaik kagr om topstud. Hän sanub: "Kondjan rad om, kondi om kävunu kagras da mujanu sen magut".

Ehtkoižel mužik oti berdankan i läksi varjoičemha kagrad. Libui hän pedajaha, ištub pedajas i varjoičeb. Nägeb – astub kondi. Mužik ambui, no ei ozaidand. Kondi põl'gästui i pageni mecha. Ei opendand ambund kondjad, tähäsaiki ned kävuskeleba kagraha. A mecnikole vaiše sidä pidab-ki.

Мужик медведя напугал

Посеял мужик весной овёс на поле. Овёс вырос высокий и густой. Пришёл как-то мужик

на поле, видит: весь овёс помят. Мужик сразу догадался: «Медвежья работа! Медведь приходил, овёс на вкус пробовал».

Вечером взял мужик берданку и отправился овёс сторожить. Залез на сосну, сидит, караулит. Видит — идёт медведь. Мужик выстрелил, но не попал. Медведь испугался и убежал в лес.

Но выстрел медведя не отучил на поле приходиться. И до сих пор медведи ходят в овёс. А охотникам только это и надо.

Jäniš rikoi händikahan

Jänišad jokselibä mecas i ei homaičenugoi kut heidennoks tuli händikaz. Vanhemb jäniš nägišti händikahan ezmäine. Hän hüppähti händikahannoks i jöksi mägedme. Händikaz joksi mödha. Toižed jänišad pageniba ken kuna.

Mägel jäniš lanksi sel'gäle i venub. Händikaz tuli laptaha i kacub jänišan päle. Händikaz meleti: «Ei-ik jäniš kolnu ole?» Vaiše tahtoi söda sidä, no jäniš iški tagaižil kábälil händikast pähä – händikaz lanksi i venub. Jäniš pageni sigäpäi ičeze jänišidennoks.

Laptas oli mecnik. Mecnik tuli händikahannoks i nägeb – händikaz venub kolnu. Mecnik toi händika-

han posadaha i starinoiči, kut jāniš rikoi hāndikahan. Rahvaz čududelihe i sanuiba: «Jāniš ei voind rikta hāndikast». A mecnik sanui: «Jānišal tagaižed kǎbǎlād oma lujas vāgevad».

Заяц убил волка

Зайцы бегали по лесу и не заметили, как их догнал волк. Самый старший заяц первым увидел волка. Он прыгнул в его сторону и побежал от него по горе. Волк следом. Остальные зайцы разбежались кто куда.

На горе заяц упал на спину и лежит. Волк подошёл сбоку, смотрит на зайца и думает: «Умер заяц что ли?» Только хотел съесть его, а заяц как даст ему задними лапами в морду. Волк так и рухнул на землю. А заяц убежал к своим.

Неподалеку был охотник, который видел всё, что произошло. Подошёл он к волку, глядит, а тот мёртвый. Взял он волка, принёс его в деревню и всем потом рассказывал, как заяц с волком справился. Народ удивлялся и не верил, что заяц может волка убить. А охотник говорил им, что задние лапы у зайца очень сильные.

Härg kaiči lehmid

Ende kaikuččes küläs rahvaz pidi živatoid: lehmid, heboid, lambhid-ki. Kanad oliba kaikuččes perehes. Lehmid paimenzi paimen. Paimen oli voziš. Kaikuččel homendesel hän ajoi lehmid külän taga, kus oli äi heinäd. Paimen vändi torvudel, kudamb oli tehtud härgan sarvespäi. Torvuden tegi iče paimen. Miččid änid pidi tehta, muga hän tegi-ki. Lehmäd kundliba i el'genziba torven vändod.

Ehtkoižel paimen mugažo kogozi torvudel lehmid kogoho. Kogos oli härg-ki. Hän käveli kaiken aigan lehmidenke. Sügüzel lehmäd eciba babukoid i erased segoiba i jäskeliba mecha öks.

Ühten kerdan paimen paimenzi Anašk-järved läz. Laptas järved oli korged kal'l'. Kondi tuli lehmidenoks i tahtoi tabata ühten lehmän. Härg nägišti kondijan i joksi sinna. Kondi jäti lehmän i zavodi torata härganke. Härg oli sur' i vägev. Kondi-ki oli vägev. Härgal oliba sured sarved, a kondjal – sured künded i teravad hambhad.

Hätken toraziba härg kondjanke, äi vert läksi härgal, no härg suril sarvil toukaiži kondjan kal'olpäi i iče lanksi mödha. Muga härg püzuti kogon lehmid kondjaspäi.

Как бык коров спас

Раньше в каждой деревне люди держали животных: коров, лошадей, овец. Куры были в каждой семье. Коров караулил пастух.

Пастух был уже в возрасте. Каждое утро он выгонял коров за деревню, где было много травы. Он играл на рожке, который сделал сам из бычьего рога. Рожком он издавал специальные звуки, коровы слышали его и понимали.

Вечером пастух, играя на рожке, собирал коров в стадо. В стаде был один бык, который всегда ходил вместе с коровами.

Осенью коровы в поиске грибов иногда терялись и оставались на ночь в лесу.

Однажды пастух пас коров недалеко от Анашкина озера. Рядом с озером была высокая скала. Незаметно к коровам подобрался медведь и хотел было уже схватить одну корову, как вдруг увидел, что на него несётся бык. Медведь оставил корову и стал бороться с быком. Бык был огромный и сильный. Но и медведь был сильный. У быка – большие рога, а у медведя – острые когти и зубы.

Долго боролись бык с медведем. Бык потерял много крови, но своими большими рогами он толкнул медведя со скалы и сам упал вслед за ним. Так бык спас стадо коров от медведя.

Käveliba kondi i reboi adivoihe

Eliba uk da ak Kara-küläs. Heil oli äi lehmid, i hö tegiba äjan argvoid. Heidenno zavodiba kävuda adivoihe kondi da reboi. Kacub ak – void ei ole.

Hän küzub-ki reboid da kondjad: «Kudamb teišpäi söi voin?» Reboi sanub: «Kondi». Ak oli lujas tark. Hän lämbiti rāken päčīn i sanub živatoile: «Seižutagatoiš päčīn edehe». Kondi i reboi seižutihe. Nägeb ak – reboišpäi voi vodaškanzi. Hän sanub-ki: «Ka naku ken om sönu meil voin!» Reboi pageni pertišpäi. Enamba necidä adivod pertiš ei olend.

Как медведь и лиса ходили в гости

Жили старик со старухой в деревне Кара. У них было много коров и они делали много сливочного масла. К ним стали наведываться в гости медведь и лиса. Смотрит старуха – масло пропало.

Спрашивает она у медведя с лисой: «Кто из вас съел масло?» Лиса отвечает: «Медведь».

Женщина была очень умная. Растопила она печь и говорит животным: «Ну-ка вставайте бли-

же к печи». Встали они, и видит женщина, что с лисы масло закапало. Она и говорит: «Вот кто съел наше масло!» Лиса убежала из дома. Больше в этом доме гостей таких не было.

Kirjan sūdäimišt

Содержание

Kärčid da värčid	3
Тяп-ляп	3
Uk haugho ajelihe	4
Как дед за дровами ездил	5
Ajelihe poig i tat heinäha	5
Поехали сын с отцом за сеном	6
Dedoi voran tabazi	7
Дед поймал вора	7
Oli ak lidnas	8
Женщина побывала в городе	8
Mužik i bajar'	9
Мужик и барин	10
Oli Vas'a Piteriš	12
Как Вася в Питер съездил	13
Pimed om i ei nägu	14
Темно и ничего не видно	15
Ajoim kandole	16
На пень наехали	17
Kävui месник месча	18
Пошёл охотник в лес	19
Oli mužik garblod keradamas	21

Собирал как-то мужик клюкву	21
Kut mužik röl' gästoiti kondjad	22
Мужик медведя напугал	22
Jäniš rikoi händikahan	23
Заяц убил волка	24
Härg kaiči lehmid	25
Как бык коров спас	26
Käveliba kondi i reboi adivoihe	27
Как медведь и лиса ходили в гости	27

Краски земли вепсской
Vepsän maņ tujud
(на вепсском и русском языках)

Составители
Евгений Григорьевич Марков,
Надежда Петровна Маркова

Художник
Н.В. Трухин

Редакторы
М.Б. Гиниятуллина
Е.Е. Харитонова

Перевод на русский язык
А.А. Егорова

Компьютерная вёрстка
С.Ю. Семёнов

Подписано в печать 26.06.2012. Формат 60x84/16.
Бумага офсетная. Печать офсетная.
Усл.печ.л. 2,79. Уч.-изд.л. 1,0. Тираж 400 экз.
ГУП РК Издательство «Периодика»
185035, г. Петрозаводск, ул. Германа Титова, 3.
e-mail: periodika@sampo.ru
<http://www.rkperiodika.ru>

Отпечатано с готовых файлов заказчика
в типографии «ПИН»,
ИП Марков Н. А., г. Петрозаводск, ул. Балтийская, 5 Б

Краски земли вепсской = Vepsän man mujud :
К 78 [сборник / сост.: Е. Г. Марков, Н. П. Маркова].
- Петрозаводск : Периодика, 2012. - 32 с. - Текст
парал.: рус., вепс.

Составители сборника «Vepsän man mujud» («Краски земли вепсской») Евгений и Надежда Марковы.

В настоящий сборник «Vepsän man mujud» («Краски земли вепсской») вошли сказки, рассказы и байки о жизни карельских вепсов.

Сборник адресован всем, кто интересуется вепским языком и жизнью вепсов в недалёком прошлом.

«Vepsän man mujud»-kirjogomusen tegijad oma Jevgeni i Nadežda Markovad. Kirjogomuses om Šoks-küläneläjiden ilosižid starinoid vepsläižiden elon polhe.

Kirjogomust voib lugeda kaikile, kenele om mel'he oppida vepsän kel't, tedištada vepsläižiden ilosišt elonaigad, mujahtada endišť elod, rindatada sidä nügüd'läižehe eloho.

ISBN 978-5-88170-221-2

УДК 821.51
ББК 84(2Рос=Вепс)

